

ИЗВЕЩА ШЕКУЕВА

№ 7

СОДЕРЖАНИЕ:

НЕГАТИВЫ. — МЫТАРСТВА. — КОНФЛИКТЪ УЛАЖЕНЪ. — ТОРГОВЛЯ КАЗЕННЫМИ ЛАВКАМИ. — ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАЯ ЭКОНОМІЯ. — ТЮРЬМОВѢДѢНІЕ. — ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ. — СКАЗКИ. — СКАЗОЧКА О ФЕЛЬТОНИСТѢ ГАЗЕТЫ «ИСТИННО-РУССКОЕ СЛОВО». — ШЕБУЕВЪ. — ЖИВОПИСЬ. — КАКЪ МЫ СЪ БАРОНОМЪ БЫЛИ НА ВЫСТАВКѢ MIGNON. — МУЗЫКА. — ПАМЯТИ СТАСОВА. В. СЕНИЛОВЪ. — ЛИТЕРАТУРНЫЙ МІРЪ. — МОЛОДЫЕ. НЕСТАРЫЙ. — СУДЕБНЫЙ МІРЪ. — ОМУТЬ. Г. О. РОЗЦЕВЪ. — СМЕРНОВКА. ДОБРЫЙ ДУХЪ. — АНКЕТА.

МЫТАРСТВА.

«...безработныхъ Нарвскаго района, зарегистрированныхъ отъ 17-го мая 1906 г. Антона Масальскаго № 20 и Спиридона Демина № 72 прошения... Находясь крайне безвыходное положеніе... съ всепокорнѣйшей просьбой... прити на помощь... единовременное пособие...»

Я пробѣгала глазами эти строки. А податели «сего», безработные Деминъ и Масальскій, стояли съ виноватымъ видомъ, извиняясь, что потревожили.

— Ужь не знаю теперь, куда обратиться. Были сначала у священниковъ. У протоерея Боллертинскаго, — отказъ. У священника Селецкаго, — отказъ. У священника Лисницкаго, — отказъ. У члена городской думы Бодиски, — отказъ.

— Вы, безработные, разорили страну! У Г. Г. Елисева — отказъ: — Вы довели страну до нищенства. Такъ вамъ и надо. У гр. Гейдена:

— У насъ деньги только на самыя неотложныя нужды имѣются.

— Что же вы, Ваше Святельство, за неотложную нужду почитаете? Вотъ мы съ голоду пухнемъ. Чего ужъ неотложнѣе нашей нужды.

— Неотложная нужда... Это, если кто-нибудь изъ васъ умретъ, и похоронить надо...

— Такъ вы, Ваше Святельство, значить помогать рѣшили не живымъ, а мертвымъ!

— Идите къ Рѣзцову.

Были у городского головы Рѣзцова... Отказъ...

Этакъ чего добраго дня черезъ три кто-нибудь изъ нихъ помретъ и тогда графъ Гейденъ ему поможетъ.

ТОРГОВЛЯ КАЗЕННЫМИ ЛАВКАМИ.

Открытое письмо.

А-яй, Викторъ Семеновичъ, какъ вы опрометчивы! Никакъ не ожидалъ я отъ васъ такого пренебреженія элементарными правилами порядочности...

Стыдитесь! Вѣдь вы занимаете такой отвѣтственный постъ. Неужели для васъ безразлично, если про васъ на всѣхъ углахъ будутъ трубить:

— Викторъ Семеновичъ Тимофеевъ, начальникъ четвертаго отдѣленія департамента окладныхъ сборовъ министерства финансовъ, поступилъ, какъ шестнадцатилѣтній мальчишка!..

Хуже! даже мальчишка не далъ бы мнѣ въ руки тѣхъ документовъ, которые сейчасъ въ моемъ портфелѣ!

Ну, я допускаю, что ваши убѣжденія заставляютъ васъ брать взятки. Ваша

платформа такова, что въ акцизномъ вѣдомствѣ невозможно безъ взятокъ...

Съ этимъ можно соглашаться и не соглашаться. Я и не думаю насиловать ваши убѣжденія.

Свобода мнѣнй выше всего.

Но я упрекаю васъ за то, что вы не только берете взятки, но расписываетесь въ ихъ полученіи, давая въ руки каждому вещественныя доказательства нечестивыхъ отношеній.

Вы профанируете свои убѣжденія и вводите въ заблужденіе почтеннѣйшую публику, которая можетъ подумать, что какимъ-либо изъ конфиденціальныхъ циркуляровъ Россіи дарована свобода взятка.

Чѣмъ же еще, какъ не свободой взятка, объяснить существованіе тринадцати (13!) вашихъ собственноручныхъ расписокъ, смыслъ каждой изъ которыхъ таковъ:

— Я взялъ съ крестьянина Федора

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ.

МАНИФЕСТАЦІЯ ПРЕЖДЕ.

ТАЙНА УСПѢХА!

КАКЪ ДОСТИЧЬ ЗАВѢТНЫХЪ ЦѢЛЕЙ И ЖЕЛАНІЙ.

Многие люди не достигают успеха в жизни, оставаясь всегда в неизвестности и зависимости, не видя в жизни просвета, стоя у порога разбитых надежд и неисполненных желаний. Не должно ли им придти в голову, что они не могут иметь ни в чем счастья, так как тайна успеха скрыта от них!

ПОПРОБУЙТЕ!

Еще не поздно упущенное
вознаградить!

Вы получите книгу даром!

Читайте ее, и вы постигнете, как надо поступать, чтобы достигнуть того, что вы считаете своим счастьем.

„Сила въ насъ самихъ“

— так назыв. книга, которую вы, по желанию, можете получить даромъ, и которая дастъ вамъ указаніе,

Въ чемъ суть успѣха?

Искусство оказывать влияние на людей и подчинять их своей воле.

Этому искусству нужно учиться, и **имъ нетрудно овладѣть.**

Это — наука, как использовать силу, присущую каждому человеку, — именно силу личного магнетизма, для того чтобы влиять на людей, покорять их. Это наука для развития дарования къ достиженію высшихъ цѣлей, независимо отъ специальности. Она учит, как посредствомъ гипнотизирующей силы приобретается любовь, дружба и вѣрность, как силой собственной мысли и напряженіемъ ума господствовать надъ окружающими и людьми, съ которыми приходится имѣть дѣло.

Она обращаетъ Ваше вниманіе на новые и оригинальные методы господствованія надъ всеми душевными волненіями, какъ внезапный страхъ, уныніе, скорбь, „закулисная“ и всякая подобная ей лихорадка и проч.

какъ достигнуть успѣха.

Психологическому книгоиздательству Ванъ-Тайль-Даніэльса
С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ Зингера, Контора №153.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 20 НОМЕРОВЪ ОДИНЪ РУБЛЬ
съ доставкой и пересылкой.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦѢ ПО 60 КОП.,
НА ПОСЛѢДНЕЙ ПО 30 КОП. ЗА СТРОКУ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦИИ: КОВЕНСКІЙ, 14
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 1 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.

ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:

ВСѢ ВЫШЕДШІЕ НОМЕРА ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА ПО 5 КОПЕЕКѢ.

1) „Пулеметъ“ по 10 коп., (съ пересылкой 15 коп.).	2) Юмористическихъ разсказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями И. М. Гравовскаго).
3) „Японскіе вечера“ и негативы изъ руси.	4) „Японскіе вечера“ и негативы изъ руси.
5) „Сочиненія Шебуева“ по 15 коп. (съ пересылкой 20 коп. за выпускъ).	6) „Негативы“ изъ русскаго слова.
7) „Безъ предварительной цензуры“—35	8) „Негативы“ изъ руси.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 РУБЛЬ ПЕРЕСЫЛКА.
ОСТАЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ ПРОДАНЫ.

ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ „ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА“ ВЫШЕЛЪ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

Петрова 1,600 рублей серебромъ, обманувъ его, что, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, за эту мзду дамъ ему разрѣшеніе на открытіе винной лавки, даже двухъ винныхъ лавокъ. Деньги я получилъ, но никакого разрѣшенія не добился. А теперь не только не возвращаю эту взятку, но даже пугаю Петрова тѣмъ, что, воспользовавшись своимъ служебнымъ положеніемъ, приму мѣры... мѣры...

Словомъ мало-ли мѣрь у особы, которая хочетъ воспользоваться своимъ служебнымъ положеніемъ.
А начальникъ отдѣленія это уже особа!

Ну, неужели у васъ, Викторъ Семеновичъ, ни на мигъ не явилось опасенія, что съ этимъ документомъ Петровъ можетъ пойти въ судъ.

Вы были увѣрены, что онъ побойтса, такъ какъ знаете, что лицу, предлагающему взятку должностному лицу — первый кнутъ.

Но вы онъ можетъ идти не черезъ судъ, а черезъ прессу. Неужели вы забыли о существованіи гласности!

А-яй, какъ это опрометливо.

И вотъ Петровъ пришелъ ко мнѣ со своими документами.

Тутъ и собственноручно вами написанный черновикъ прошенія управляющему акцизными сборами отъ имени Петрова «о разрѣшеніи мнѣ открыть пивную лавку съ распивочной продажей въ мѣстности по Петергофскому шоссе въ одномъ изъ домовъ по шоссе подъ №№ съ 59 по 86»...

Ниже въ прошеніи указываются имя и великія и богатая милости, которая должна изливаться эта лавка, по мнѣнію Г. Тимофеева: ...предполагаю также завести электрическое освѣщеніе. По тому лавка дастъ возможность населенію чинно и съ пользой провести свободные часы за чтеніемъ газетъ и журналовъ, а эффектное, изящное устройство лавки, привлечетъ въ нее только болѣе или менѣе состоятельный мѣстный людъ, который не склоненъ предаваться излишествамъ...

Тутъ и написанная тоже вашей, Викторъ Семеновичъ, рукой довѣренности отъ имени Петрова, выданная его женой: «Любезная супруга моя! Мною возбуждено передъ акцизнымъ вѣдомствомъ ходатайство о разрѣшеніи мнѣ открыть

двѣ пивныя лавки: одну на Петергофскомъ шоссе, а другую на Нарвскомъ проспектѣ. Между тѣмъ въ настоящее тревожное, военное время Государь могли потребовать меня, какъ запасного воинскаго чина, на свою службу для защиты отечества. На этотъ случай я уполномочиваю и доверяю тебѣ и т. д.»

Тутъ и десятокъ собственноручныхъ записокъ вашихъ, — все объ одномъ и томъ же, что деньги у Петрова взяты и вы ему ихъ возвратитъ не можете.

«У меня вышла заминка въ деньгахъ»...

«Если возможно очень прошу васъ насчитать денегъ сегодня. Время»...

«Просилъ бы дать 1.000 руб. на срокъ по вашему усмотрѣнію, если не можете дать за хлопоты впередъ»...

«На вопросъ надо ли брать такъ. У меня нѣтъ денегъ, мнѣ ихъ непременно нужно получить и мнѣ данъ срокъ, когда получить. Вотъ почему я назначаю вамъ срокъ платежа».

И т. д., и т. д.

Особенно компрометируетъ васъ, Викторъ Семеновичъ, одна телеграмма на ваше имя изъ Гольдштадта.

По словамъ Петрова, вы ее дали ему, чтобы доказать, что и у васъ иногда бывають деньги:

«Фомки собираются, но не такъ скоро, по причинамъ, которая лично объясняю Цененту».

Подъ словомъ «фомки» вашей рукой чернилами написано «деньги».

Безъ этого объясненія тотъ, кто не читалъ «Петербургскихъ Трущобъ», и не понималъ бы, что у тамошнихъ хулигановъ, воровъ и мошенниковъ разумѣется подъ словомъ «фомки».

Неужели вамъ не неловко, что къ вамъ, къ Виктору Семеновичу Тимофееву, телеграфъ не нашелъ болѣе удобнаго способа обращенія, какъ на трущобномъ жаргонѣ!...

Начальникъ отдѣленія и... фомки! Г. Петровъ разказалъ мнѣ подробно, въ какие сроки и какими суммами вытягивались вами изъ его кармана эти фомки.

И какими путями вы отбоярились отъ возвращенія ихъ Петрову и какъ запугивали его, обѣщая употребить противъ него какія-то приличныя вашему званію административныя мѣры.

Сначала я, грѣшный человекъ, даже

не повѣрилъ ни словамъ, ни бумагамъ Петрова.

Я подумалъ: навѣрное эти документы относятся до какого-нибудь другого дѣла и до другихъ фомокъ, а не до взятки за испропаніе лавокъ.

Вѣроятно, думаю, у Петрова съ вами были до этого дѣла, какія-нибудь иныя фомочныя отношенія и теперь Петровъ нарочно припутываетъ эти документы къ лавкамъ.

— Кто и когда васъ познакомилъ съ Тимофеевымъ?

— Коммисіонеръ А. П. Миловоровъ.

— Попросите его ко мнѣ.

Видѣлся я съ Миловоровымъ и онъ мнѣ доказалъ, что именно онъ познакомилъ Петрова съ дѣломъ, что познакомилъ именно для этого дѣла, что другихъ дѣлъ между вами не было, что всѣ документы эти относятся къ дѣлу о лавкахъ, что для него; Миловорова, не тайна взяточничество; ваше и т. д., и т. д.

— Да вы-то какъ познакомились съ Тимофеевымъ?

— А меня познакомилъ подрячникъ И. Б. Борисовъ. — Вотъ, — говорить, — если тебѣ понадобится вѣрная рука въ акцизномъ вѣдомствѣ, обратись къ Тимофееву. За фомки онъ все можетъ. Я разъ приговоренъ былъ по паспортной части къ штрафу въ 500 рублей. Уже какъ ни хлопоталъ, все ходы испробовалъ, — пришлось заплатить. Заплатилъ. А потомъ разговорился съ Тимофеевымъ. Онъ и говоритъ: давай, я тебѣ это дѣло устрою. И устроилъ! Уже ежели человекъ въ полици такую силу имѣетъ, такъ такую же силу онъ долженъ имѣть въ акцизѣ!...

Я съ радостью познакомился съ Тимофеевымъ. Онъ мнѣ сказалъ на первыхъ же порахъ, что коли нужно будетъ хлопотать о винныхъ лавкахъ, это можетъ. За фомки онъ все можетъ! Вотъ почему я и свелъ Петрова съ Тимофеевымъ. Я — коммисіонеръ. Это мой хлѣбъ.

Прослушалъ я Миловорова и думаю: — Ну и влетѣть же Викторъ Семеновичъ! Надо его выручать какъ-нибудь!

И вотъ я пишу вамъ мой искреннѣйшій совѣтъ.

Верните-ка вы немедленно фомки Петрову, вызволите у него всѣ документы, разорвите ихъ въ клочки, сожгите ихъ и развѣйте по вѣтру пепелъ.

Пусть никто въ мірѣ кромѣ васъ и

меня, не зная о вашей безтактной, мальчишеской выходке.

А затѣмъ желаю вамъ служить и служить начальству на утѣшеніе, подчиненнымъ и отечеству на пользу.

Готовый къ услугамъ.

Н. ШЕБУЕВЪ.

Съ такимъ миролюбивымъ открытымъ письмомъ хотѣлъ я обратиться черезъ посредство газетъ.

Какъ вдругъ меня приглашаютъ въ судъ. Начальство заставило г. Тимофѣева судиться съ г. Петровымъ.

Вѣдь блѣднякка.

Являюсь изъ тюрьмы (я еще сидѣлъ тогда) въ судъ.

Но тутъ меня отвели въ качествѣ автора статьи и, съловательно, лица, заинтересованнаго въ оправданіи Петрова. На дняхъ въ судѣ вторично разбирается это скандальное для акцизнаго вѣдомства дѣло.

Жаль, что я устраненъ отъ дѣла.

А на судѣ я могъ бы прочитати то, что у меня записано со словъ А. П. Миловоорова.

Это показаніе, рисующее акцизный бытъ, должно быть выслушано судомъ и обществомъ.

— Я давно знакомъ съ Тимофѣевымъ. Онъ просилъ меня предлагати его услуги лицамъ, добивающимся разрѣшенія на открытіе пивныхъ лавокъ. Зная, какъ трудно добити безъ протекціи такого разрѣшенія, я объяснилъ это моему знакомому Петрову, хлопотавшему о лавкѣ. При мнѣ они и торговались: Петровъ обещалъ уплатити тысячу рублей за хлопоты и вліяніе въ акцизныхъ сферахъ. Половину уплатити при мнѣ тотчасъ же, а вторую половину отсрочилъ до момента получения разрѣшенія. Тимофѣевъ ничуть не стѣснялся упомянутой сдѣлки и при мнѣ же выдалъ Петрову расписку на эту сумму. Послѣ этого Тимофѣевъ черезъ нѣкоторое время выпросилъ у Петрова остальные пятьсотъ рублей. И снова выдалъ расписку. Затѣмъ Тимофѣевъ началъ «хлопотати о разрѣшеніи». Но тутъ онъ предложилъ Петрову: «Мнѣ все равно хлопотати, что объ одной лавкѣ, что объ двухъ. А для васъ расчетъ, вы можете вторую кому-нибудь продать. Но за хлопоты по двумъ лавкамъ прибавте еще тысячу. У меня ужъ такса. Лавка—тысяча». Петровъ заплатилъ еще тысячу. И снова получилъ расписку. Впоследствии эти расписки я обмѣнялъ на векселя.

Словомъ поучительная картинка торговли казенными лавками.

Въ своемъ родѣ симонія.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАЯ ЭКОНОМІЯ.

Разосланъ человѣколюбивый циркуляръ по всѣмъ благотворительнымъ учрежденіямъ человѣколюбиваго общества:

Въ виду продолжающихся поступатъ въ Центральное Управленіе Общества со стороны нѣкоторыхъ учреждений холатайствъ или объ скрѣпкахъ спеціального текущаго счета, или о временномъ позимствованіи изъ кассы Совѣта, или прямо объ оказаніи безвозвратныхъ пособій, что несомнѣнно свѣдѣствуетъ о денежныхъ затрудненіяхъ въ такихъ учрежденіяхъ, предлагаю, въ дополненіе къ означенному циркуляру, при составленіи кѣмъ на будущій годъ предержатья возможной экономіи, исключивъ все то, что не вызывается дѣйствительной необходимостью, и въ томъ числѣ всѣхъ денежныхъ награды и пособія служащимъ по вѣдѣнству, ибо только строгая система въ расходахъ можетъ, если не совсѣмъ предупредити, то во всякомъ случаѣ ослабитъ угрожающій отъ уменьшенія членскихъ взносовъ и пожертвованій дефицитъ. Помощникъ Главнаго Пенсителя, Сенаторъ (подпись) Л. Нисовъ. Вице-Директоръ Канцеляріи Совѣта Общества (сѣвѣнпль) Воейковъ.

И тотчасъ же началась чистка штатовъ.

Выкидываются за борть канцелярскіе чиновники безъ объясненія причинъ.

Какъ будто въ нихъ зло всѣхъ перерасходовъ.

Съ 1 января б. г. увольняются дѣлорозводитель А. И. Погребиинскій, О. И. Гриневичъ, служащій съ 1892 г., А. И. Барашина, А. Н. Дмитріевъ и др.

Увольненіе зависитъ отъ усмотрѣнія И. Н. Ласзна и Г. О. Ракеева.

Куда дѣнутся уволенные въ наше въ высшей степени безработное время!

Какъ будто виноваты они, что безобразно, чисто декоративное веденіе дѣла на одной только школѣ и мастерской дѣтскихъ народковъ дало 60 тысячъ убытка.

Насколько не хозяйственно устроено это заведеніе могутъ показати такіа цифры.

Въ немъ всего на всего 30 дѣвочекъ.

А между тѣмъ за помѣщеніе платятъ 7 тысячъ рублей въ годъ.

А въ Торговомъ пер. свой домъ пустуетъ.

Одинъ служебный персоналъ обходится 10.000 руб!

По 333 рубля на дѣвочку!..

Сколько взрослыхъ человѣкъ около маленькой дѣвочки кормится!..

И вмѣсто того, чтобы ввести въ рациональныя рамки подобнаго учрежденія, экономія начинается съ того, что выбрасываются за борть мелкіе безсловесные служащіе.

Стрѣлочникъ всегда виноватъ, какъ въ крушеніяхъ, такъ и въ крахахъ.

„СМИРНОВКА“

(Продолженіе).

II.

Разговоры въ «Смирновкѣ», — не считая, конечно, пересудовъ и дѣловыхъ оиѣна мыслей, — всегда являются отраженіемъ злобы дня не только мѣстной, сословной, но и общественной, всей Россіи, ибо прошло уже время, когда присяжная адвокатура являлась замкнутой кастой, со своими узко-профессиональными интересами. Теперь это — аванпостъ радикальнаго движенія.

Два часа дня — разгаръ буфетнаго времяпровожденія. Въ «Смирновкѣ» дымъ-коромысломъ: кто сидитъ, кто возлегаетъ на пресловутомъ диванѣ, кто разговариваетъ стоя. Лейтъ-мотивъ всѣхъ разговоровъ — наплывъ инородцевъ въ адвокатуру, преимущественно сибиряковъ и магистратуры. Помилуйте, въ послѣднемъ, разосланномъ г. адвокатамъ, списокъ значится не болѣе и не менѣе, какъ 72 кандидата, алчущихъ одѣтъ значокъ! Куда мы идемъ? Вѣдь, и безъ того адвокатская профессія обезцѣнена, сведена къ грошевымъ заработкамъ. Наконецъ, не потеряетъ ли сословіе въ своей чистотѣ отъ вторженія инородныхъ тѣлъ, воспитанныхъ въ совершенно другихъ традиціяхъ?

Взоры собесѣдниковъ обращены на Михаила Григорьевича Казаринова, который, какъ членъ совѣта, наиболѣе компетентенъ въ вопросахъ сословной этики. М. Г. принимаетъ вызовъ и раздражается цѣлой филиппикой. Но, прежде, чѣмъ передать сущность ея, позволюте мнѣ вкратцѣ очертити обликъ этого интереснаго, но, къ сожалѣнію, весьма мало популярнаго въ широкихъ слояхъ населенія, адвоката.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ это имя было совершенно неизвѣстно даже въ самомъ сословіи. Я живо помню впечатлѣніе неожиданности, которое произвелъ на меня дебютъ М. Г. въ большемъ дѣлѣ о расхищеніи наслѣдства нѣкой Пискуновой, Плоскина въ юбкѣ. М. Г. былъ гражданскимъ истцомъ, и не только отразилъ нападеніе цѣлой плеяды знаменитостей, сидѣвшихъ на скамьѣ защиты, но и смѣло перешелъ въ наступленіе. Злой юморъ, тонкая, кружевная работа при разборѣ уликъ — все это поразило слушателей, словомъ, это было открытіе въ нѣдрахъ сословія. Помню, рѣчь М. Г. произвела переполохъ въ лагерьъ защиты и Н. П. Карабчевскій даже сталъ браниться — вѣрный признакъ, что онъ былъ уязвленъ.

Съ тѣхъ поръ М. Г. для сословія, по крайней мѣрѣ, представляется желаннымъ гостемъ въ адвокатской трибунѣ. Его слушаютъ охотно, ему воздаютъ должное. Благодарная сдержанность, юморъ безъ шаржа, простота, отсутствіе самообожанія, кокетства фразой — вотъ что выгодно выдѣляетъ М. Г. изъ числа даже именитыхъ его коллегъ. Вышеаго расцвѣта его талантъ достигъ въ защитѣ Сикорскаго (дѣло объ убійствѣ В. К. Плеве). По наговсу, одушевляющему оратору, по умѣнью возводить отдѣльный случай къ общими, вѣчнымъ началамъ права и справедливости — она является однимъ изъ лучшихъ образцовъ ораторскаго искусства. Въ виду того, что рѣчь, не была еще обнародована, позволю себѣ привести нѣкоторая изъ нея выдержки. Надѣюсь, что читатель не посядетъ на это отступленіе:

— Исканіе истинъ религиозныхъ, философскихъ, социальныхъ всегда увлекло человечество, всегда влекло его

впередъ. За ними, какъ за путеводнымъ огненнымъ столбомъ, шель человѣкъ и если блуждалъ сорокъ лѣтъ по безводнымъ пустынямъ и падалъ въ изнеможени, и отчаивался, и проклиналъ, то въ концѣ концовъ выходилъ въ землю обтѣлованную...

«Кажда идеала, борьба за него, увлекаютъ человѣка изъ мирнаго лона семьи, рвутъ тысячи путь, привязывающихъ его къ землѣ, подымаютъ духъ его въ чистый горній воздухъ, не отравленный дыханіемъ эгоизма и низменныхъ страстей, и просвѣтленный, преобразенный, несетъ онъ свою жизнь, какъ ничтожную лепту, въ копилницу общаго блага.

«...Сикорскій-еврей. Казалось бы, что ему до партіи социалістовъ-революціонеровъ и до всѣхъ другихъ партій? Развѣ не гнали еврея одинаково и монархія, и республика, и анархія; развѣ не должны были они слѣзати съ осла и падати ницъ передъ кочующими арабами, и развѣ намѣстники Бога на землѣ, папы римскіе, не сожигали ихъ толпами въ синагогахъ вмѣстѣ съ ихъ священными книгами?»

Затѣмъ защитникъ рисуетъ уголокъ гетто, какъ мѣсто зарожденія такихъ натуръ, какъ Сикорскій.

«Поздно ночью, въ убогомъ домишкѣ, испещренномъ, какъ походный балаганъ, самодѣльными вывѣсками, слышится размирно-грустный наплывъ чтенія талмуда. Торопеленники, послѣ шестнадцатичасоваго труда, собрались для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей. Смирненіе, покорность судьбѣ видны въ медленныхъ жестяхъ, согбенныхъ спинахъ, потухшихъ взорахъ стариковъ. Недовольствомъ, протестомъ, негодованіемъ дышатъ лица юношей, оторванныхъ съ дѣтства борьбой за кусокъ хлѣба отъ религіознаго изученія. Въ нихъ другіе запросы, другія идеи, другія силы. Идутъ разсужденія, несогласія, споры. Тихнетъ стараются старцы наложити оковы терпѣнія и покорности на горячую, бьющую ключемъ юную энергію. И махають они рукой и съ горькой усмѣшкой шепчуть стихъ изъ книги юва:

«Нѣтъ болше мудрости въ старикахъ!»
«И не слушаетъ, и не смиряется молодежь, ибо есть мудрость въ борьбѣ, есть время молчатъ и слушати, и время — отвѣчати.»

И вотъ, одинъ, отряса пражъ земли рѣкой, бѣгутъ за океанъ искать для себя подъ новымъ небомъ новаго счастья; другіе, одаренные и практически умомъ и способностью приспособленія, добиваются права прешагнуть черезъ черту осѣлости и вскорѣ забываютъ родное гетто; третьи не хотять ни бѣжати, ни забати, ни искать личнаго счастья, а затаивъ въ душѣ немолчную борьбу, борьбу за всѣхъ, наблюдаютъ, мыслятъ и чертятъ широкіе планы обновленія.

Еврейскій духъ, за время его тысячелѣтняго блужданія по свѣту, ковался на столькихъ наковальняхъ, что въ концѣ концовъ въ немъ выковались самыя разностороннія свойства и способности.

«Наряду съ шаблоннымъ типомъ расчлениваго, холоднаго стяжателя сокровищъ на землѣ, нѣрѣдко можемъ мы найти и людей чисто отвлеченнаго духовнаго склада, спокойно-равнодушныхъ къ матеріальнымъ соблазнамъ, людей, передъ которыми все земное скользятъ, какъ прозрачная, блѣдная тѣни.

Такимъ родился и Сикорскій.»

Но я отвлекся съ сторону, давъ этюдъ о М. Г. Казариновѣ, а не описаніе «Смирновки».

Возвращаюсь къ спору о переполненіи сословія. И такъ, М. Г. принялъ вызовъ:

— Я убѣжденъ, что совѣтъ приметъ всѣхъ тѣхъ, образовательный цензъ которыхъ и нравственный обликъ будетъ соответствовать условіямъ, необходимымъ для принятія въ нашу среду. И меньше всего совѣтъ будетъ занимати вопросы о возрастающей конкуренціи. Нельзя устанавливать какую-то протекціонную систему. Вопросъ этотъ лучше всего урегулировать самой жизнью: все, что важно въ сословіе безъ достаточныхъ знаній, силы, энергіи, таланта, будетъ побито, сильно, яркое пробьется, истинный талантъ не пропадетъ. Но наши двери должны быть широко раскрыты для всѣхъ: для чиновниковъ, судей, прокуроровъ и т. д.

Много за послѣдніе годы прошло черезъ совѣтъ такихъ алчущихъ. Это движеніе — результатъ тѣхъ условий, въ которыхъ на

ходится жизнь всего государства за послѣдніе годы. Есть и знанные, есть и случайные блыгелы въ нашъ станъ. Но если кто-либо хочетъ встати въ наши ряды, вооруженный знаніями, энергіей, талантомъ, то — милости просимъ, мы готовы поделити съ ними нашими трудами и заработками, нашими терніями и лаврами. Вотъ какъ касается опасенія, что эти новыя элементы внесутъ въ сословіе новыя духъ, подорвутъ старія традиціи и завѣты адвокатуры, то эти страхи несомнѣтельны. Если организмъ крѣпокъ и жизнеспособенъ самъ по себѣ, то беретъ въ себя эти новыя элементы, преворитъ и только окрѣпнетъ отъ этой новой пищи; если же онъ самъ расшатанъ, одряхлѣлъ, то никакимъ обереганіемъ отъ сквозняковъ и новыхъ вѣяній все равно его не возстановишь. Поэтому я могу только привѣтствовать этотъ потокъ.

Старая свѣтила адвокатуры — кто въ могилѣ, кто ушелъ въ покой, а новыхъ звѣздъ что-то не видати. Адвокатура постепенно погружается въ сѣренькую жизнь рутины, все чаще въ ней слышится заискивающая рѣчь дѣбляа вмѣсто вдохновеннаго, мощнаго голоса за право. Быть можетъ, отъ этихъ рѣзвѣдающихъ наслоений омиютъ адвокатуру новые, устремившіеся въ нее потоки.

Спортъ и товарищеская бесѣда умокли на одной сторонѣ, чтобы возгорѣлся на другой, благо и поводъ нашлся подходящій.

(Продолженіе будетъ).

ДОБРЫЙ ДУХЪ.

МОЛОДЫЕ.

Скучно было у «молодыхъ» собравшихся въ 9 аудиторіи университета.

Собрались къ 8 ч. вечера.

Большинства приглашенныхъ не присутствовало.

Изъ пришедшихъ болше было «старичковъ», чѣмъ молодыхъ.

Пришли: Чулковъ, Волынский, о. Гр. Петровъ, о. Михаилъ, Солянковскій.

Изъ позтовъ были — Солугубъ, Волошинъ, Годинъ, Городецкій, Цензоръ.

Отдѣльной группой пришли «знаньцы» — Юшкевичъ, Серафимовичъ, Найденовъ.

Изъ художниковъ и артистовъ присутствовали — Дабужинскій, Билибинъ, Рерихъ, Бравичъ, Зилоти...

За первымъ звонкомъ призывавшимъ въ аудиторію, послѣдовала вступительная рѣчь члена временнаго бюро студента Гидони и выборы прѣсѣдателя...

Выбрали проф. Зелинскаго.

Читали длинный и скучный уставъ, повторяющій уставы вообще всѣхъ возникающихъ обществъ.

Уставъ былъ принятъ единогласно.

Затѣмъ слѣдовали различная обсужденія и разясненія.

Говорилось, что кружкомъ будетъ отражать въ себѣ новыя теченія въ искусствѣ.

Говорилось, что «кружокъ молодыхъ» бдетъ по возможности влѣати на массы путемъ концертовъ и публичныхъ рефератовъ...

Много говорилось по самымъ различнымъ поводамъ, но болше скучно.

Не чувствовалось молодой, зажигательной вѣры.

Не болше интереса во внимательныхъ глазахъ присутствующихъ.

Затѣмъ проф. Зелинскаго, внезапно покинуваго собраніе, смѣнилъ Е. В. Аничковъ.

Говорилъ много.

Присутствующимъ понемногу удивлялись и понемногу удалялись.

Происходили выборы въ Бюро.

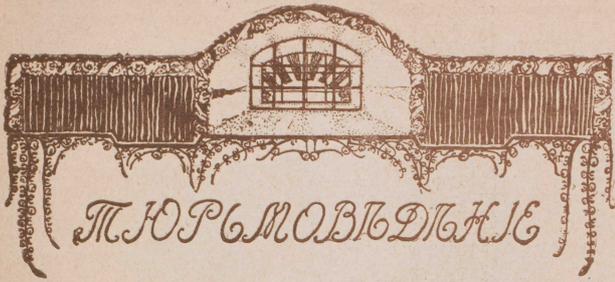
Были выбраны Меерхольдъ, Чулковъ, Соинербергъ...

Затѣмъ разошлись.

Старо у «молодыхъ»...

НЕ-СТАРЫЙ.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА.

ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ.

Развлечение, о котором я говорил въ прошлый разъ, заставляетъ арестанта превращаться въ художника.

То, о которомъ я буду говорить сегодня; заставляетъ превращаться въ поэта.

Рѣдкій арестантъ не пишетъ стиховъ. Среди житейскаго волнения многимъ и въ голову не приходитъ пописать свои силы на стихотворномъ поприщѣ.

Но здѣсь, въ этомъ домѣ мертваго, жуткаго покоя, рѣдко кому не приходится это.

Стихи здѣсь носятся въ воздухѣ. Только лови ихъ да отгачивай рѣзмы. О, времени для этого занятия сколько угодно.

Тюрьма дѣлаетъ сентиментальнымъ,— это всѣмъ замѣчено.

Тюрьма дѣлаетъ чувствительнымъ къ самымъ неувидимымъ настроеніямъ.

Тюрьма дѣлаетъ фантазеромъ.

Тюрьма дѣлаетъ философомъ.

А этого слишкомъ достаточно, чтобы записать стихи.

Пишутъ запоемъ.

Для арестанта сказать «записалъ» все равно; что для пьяницы «запилъ».

Мнѣ посчастливилось въ своей камерѣ сдѣлать находку,—тетрадку стиховъ.

На первый взглядъ это невѣроятно.

Робинзонъ на своемъ необитаемомъ островѣ сдѣлалъ находку!

Да, вѣдь, я въ тюрьмѣ болѣе одинокъ, чѣмъ Робинзонъ.

У него хоть Пятница былъ.

А здѣшнимъ Пятницамъ не слѣдуетъ довѣряться.

Передъ тѣмъ, какъ посадить новаго арестанта, камеру чистятъ и замазываютъ краской тѣ мѣста, на которыхъ предыдущій сидѣлецъ увѣковѣчилъ свое имя-фамилію, или изрекъ какою-нибудь сентенцію.

И передъ тѣмъ, какъ впустить въ камеру меня, ея стѣны замазали.

Оттого стѣны пятнами.

Всю камеру вдоль и поперекъ обшарили.

А одно мѣстечко ускользнуло отъ вниманія аругосвъ.

Я говорю о маленькой форточкѣ надъ дверью.

Назначение ея, кажется, вентиляціонное.

Она помѣщается настолько высоко, что снизу не видно, лежитъ ли въ ней что-нибудь.

Достать до нея можно только придвинувъ къ двери столъ и поставивъ на столъ табуретъ.

Это мнѣ удалось продѣлать ночью.

Что ни говорятъ, а у человѣка есть что-то сверхъестественное.

Мнѣ не спалось.

И глаза мои какой-то неудержимой силой приковывались къ этой печуркѣ.

Меня тянуло заглянуть въ нее.

Кто-то словно диктовалъ мнѣ: подвинь столъ, поставь на него табуретъ.

Я подслушалъ, когда дежурный надзиратель уйдетъ на вторую галлерею, и съ ловкостью, совершенно не свойственною моему натурѣ, безшумно продѣлалъ эту операцію.

Сердце колотило, руки пылали, когда я схватилъ маленькую тетрадку.

Было темно. Я не могъ разобратъ, что она изъ себя представляетъ.

Но я чувствовалъ, что нашель что-то важное, интересное. Слово гора съ плечъ свалилась.

Я положилъ ее подъ подушку (не гору, а тетрадку въ шестнадцатую долю писчаго листа), и заснулъ уловнымъ сномъ.

Утромъ я съ восторгомъ увидѣлъ, что

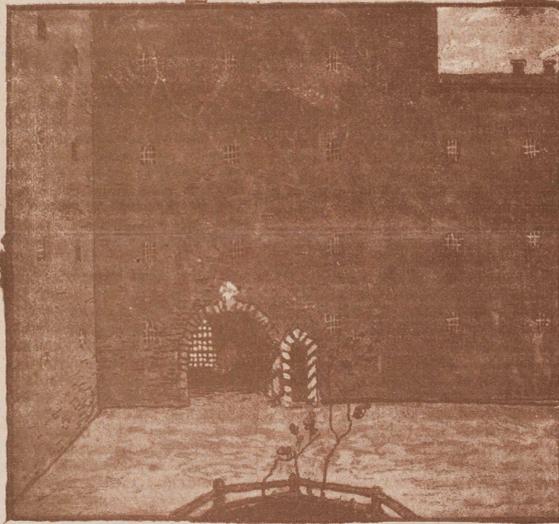
вся тетрадка исписана бисернымъ четкимъ почеркомъ.

Арестантская одиночная каллиграфія.

На такую способны только институтки, успѣвающія подъ бдительнымъ взоромъ красной дамы (—о, эти жандармы въ юбкахъ невыносимѣе для влюбленныхъ, чѣмъ жандармы въ брюкахъ!) сунуть вамъ во время свиданія въ руку billet doux.

Въ моей находкѣ заключалось десятка три-четыре стихотвореній со слѣдующимъ предисловіемъ.

«Кто бы вы ни были, вы, наслѣдовавший послѣ меня эту камеру, гдѣ я такъ много страдалъ и любилъ, прочитайте эти строки. До тюрьмы я никогда не писалъ стиховъ. Но каждый человѣкъ,

видно, при благоприятномъ теченіи обстоятельствъ становится поэтомъ. Одиночество, тюрьма и любовь научили меня этому благороднѣшему изъ искусствъ.

Если вы, товарищъ, въ состояніи исполнить мою просьбу, спрячьте эту тетрадь у себя въ вещахъ. Если не въ состояніи, то, прочитавъ, снова положите ее на то мѣсто, откуда взяли. Пусть слѣдующій, кому она попадетъ въ руки, исполнитъ мое завѣтное желаніе. Моя просьба устроить такъ, чтобы эти стихи были гдѣ-нибудь, все равно, въ газетѣ или въ журналѣ, напечатаны. У меня нѣтъ знакомства въ литературномъ мирѣ. Самого меня выслаютъ въ Нарымскій край.

Вообще, товарищи, не буду входить въ подробности, повторю только, что это мечта моей жизни—быть напечатаннымъ. А. Низоръ».

Я съ удовольствіемъ прочиталъ и перерчиталъ этотъ оригинальный романъ, составленный изъ отдѣльных, совершенно самостоятельныхъ стихотвореній.

Нахожу, что для человѣка, никогда не писавшаго раньше стиховъ, они прямо прелестны.

И съ удовольствіемъ печатаю ихъ съ нѣкоторыми комментаріями, необходимыми для свободныхъ читателей.

Общее заглавіе тетради — «Цвѣты тюрьмы».

Несомнѣнно, и авторъ и его муза—еврей.

Въ стихахъ послѣдняя называется Ревеккой, Веккой.

Въ одномъ изъ нихъ упоминается и ея фамилія—Шарпъ.

Ревекка Шарпъ—что-то знакомое, подумалъ я.

И вспомнилъ:

— Да, вѣдь, въ «Базарѣ житейскаго суеты» Теккерей, героиня Ревекка Шарпъ! Но посвящаетъ ли авторъ стихи теккереевской героинѣ, или скрылъ подъ этимъ псевдонимомъ свою собственную—неизвѣстно.

Равнымъ образомъ неизвѣстно, были ли авторъ въ самомъ дѣлѣ журналистомъ, пострадавшимъ за свободу слова.

Или онъ только драпируется въ эту тогу.

Вѣдь, въ запискѣ ясно сказано, что у него въ литературномъ мирѣ нѣтъ знакомства.

И что до тюрьмы онъ не писалъ.

Вмѣсто предисловія—такія строки.

I.

Развѣ я пишу, голубка?
Это ты стихи диктуешь,—
Я—записываю только.
На мое попробуй мѣсто
Посадить кого угодно,—
Онъ какъ я, стихи запишетъ.

II.

Сказка нашихъ дней. До свадебнаго пира
За два—за три дня я написалъ
Памфлетъ.

Смѣло и свободно въ немъ звучала лира,
Къ родинѣ любовью быть объять

Черноморъ лишь только сплеховалъ въ завязкѣ:
Не тебя похитилъ съ пира, а меня.

III.

Ты еврейка, ты еврейка...
Эти глазки, напримѣръ,
И волосъ кудрявыхъ заѣйка—
(Ихъ приладить ты сумѣйка)
И смѣшная буква эръ,
И овалъ лица, и шейка
Все твердитъ, что ты еврейка.
Ты еврейства не скрываешь,
Имъ гордишься даже ты.
Въ моемъ сердцѣ, ты вѣдь знаешь,
Нѣтъ осядлости черты.

IV.

Тюрьма—это улей, а камеры соты,
Наполнены желчью, не медомъ онѣ.
Сегодня за полночь сквозъ дымку дремоты
Какіе-то стоны почувлились мнѣ.
Чу... стоны сильнѣе... возня въ корридорѣ...
Какъ будто затихло... И слышу опять...
Въ удушливомъ стонѣ почувлилось горе...
Чу! голосъ тюремщика: «Докторъ!..
Сто пять!»
Внизу зазвонили звонки телефона:
— «Скорѣй въ первый корпусъ
пришлите врача:
Припадокъ!» Теперь вмѣсто прежняго
стона
Я слышу чудовище бѣтса, рчча...
Чудовище-Ужась... Чу... что-то слѣтло.
Мнѣ слышно: тамъ, значитъ, распахнута дверь.
Чу! по полу бѣтса и корчитса тѣло,
Какъ баба, хочотчѣ и воетъ, какъ звѣрь...
И вдругъ порвалось. Это дверь затворилась.

И стала темнѣе полночная тѣма,—
Изъ чаши страданія капля пролилась,
И вновь онѣмѣла нѣмая тюрьма...
Тюрьма, это улей, а камеры соты.
Наполнены желчью и горемъ онѣ
И многіе пулей мечтаютъ расцѣты
Покончить съ собою въ ночной тишинѣ...

V.

Разрѣшительной записки
На свиданье намъ не дали
Потому что... мы не близки...
Такъ жандармы разсуждали...
Да, съ тобою не женаты
Мы писчебумажнымъ бракомъ:
Ни однимъ въ участкѣ знакомъ
Не докажешь, что жена ты...
Мы могли бы пощлему
Доказать наличность факта...
Нѣтъ и этимъ не втолкуемъ:
Вѣрять тамъ лишь въ связь контракта:
— «Гдѣ отчетъ въ столь важномъ шагѣ?..»

Надо-бъ во время изволить
Этотъ шагъ запроколотить
На бумагѣ, на бумагѣ!..
Любимъ мы другъ друга сильно.
Но для нихъ сіе не важно:
Не достаточно чернильно,
Не достаточно бумажно...

VI.

Мнѣ въ тюрьму, дитя, сегодня
Сонмы ангеловъ слѣтѣли.
Тихо встала вкругъ постели
Рать служителей господня.
Неожителѣй дѣлами
Для меня пренебрегая,
Всѣ собрались, дорогая,
Охранять мой сонъ кралами...
Знаешь, что за сонъ явилась
сказка?
Охранять ихъ вереница?
Векка ангеловъ сестрица—
Мнѣ сегодня Ты приснилась...

СКАЗОЧКА О ФЕЛЬЕТОНИСТЪ ГАЗЕТЫ „ИСТИННО РУССКОЕ СЛОВО“.

Написалъ фельетонистъ газеты «Истинно Русское Слово» фельетонъ.

Ахъ, какой хорошии вышелъ фельетонъ.

Просто заглядѣнье. Самого Грингута въ легкомыслии упрекнулъ.

Самого Меньшикова ушинулъ! Калетовъ съ грязью смѣшалъ.

Эскековъ—изувѣчилъ. Эсъэровъ—искалѣчилъ.

Чудесный вышелъ фельетонъ. Хлесткий. Особенно насчетъ экспроприаций отчетливо вышло.

Непрерывно завтра у издателя авансъ попрошу.

Послѣ такой статьи да не попроситъ! Погромъ, а не статья.

Петръ Ивановичъ, сладострастно потирая руки, превкусываетъ авансъ.

На лицѣ играла все время самодовольная улыбка, хотя ему и пришлось по долгу службы провести цѣлый вечеръ въ Михайловскомъ театрѣ, слушая «L'armature» въ бенефисъ Поля Робера.

А по французски Петръ Ивановичъ, не смотря на то, что онъ истинно-русский человекъ, не понималъ ни папы, ни мамы.

Съ этой самодовольной улыбкой онъ

и заснулъ у себя въ кроваткѣ.

Съ нею и проснулся.

И первое, что схватилъ, проснувшись—

газету.

Вотъ она голубушка.

— Не статья, а погромъ! Ей Богу!..

И смакуя каждое слово Петръ Ивановичъ вслухъ началъ читать, свой фельетонъ.

Какъ вдругъ оглушительный звонокъ телефона прервалъ его занятіе.

— Я... кто у телефона?. Ты, Иванъ?

— Петръ Ивановичъ, редакторъ васъ требуетъ немедленно къ нему на квартиру...

— Что такое?..

— Не могу знать... Только видно, что-то стряслось... Сильно гнѣваются...

— Стаканомъ въ Машу шаркнули... Василія по трехэтажному мативировали...

По вашей части не совсѣмъ того...

— Какъ?.. Неужели онъ на меня сердитъ! Не можетъ быть... Послѣ нынѣшней статьи!..

А статью вашу на полъ бросили и ножками растоптали!.. Плевались!..

— Что ты врешь!

Предчувствуя что-то ужасное Петръ

Ивановичъ моментально вскочилъ на извозчика.

Маша, — редакторская горничная, — встрѣтила его мрачнѣе тучи.

Вмѣсто обычной заигрывающей улыбки въ ея глазахъ, бѣгали злые чертики, и въ плотно стиснутыхъ губахъ—угрозы.

— Вотъ погоди, голубчикъ. Сейчасъ достанется.

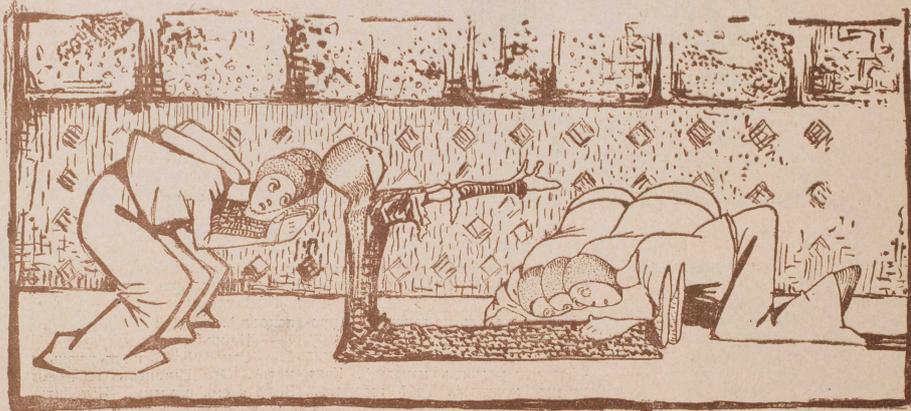
Сердце у Петра Ивановича упало, когда онъ вошелъ въ кабинетъ редактора.

Редакторъ сидѣлъ зеленый, какъ огурецъ, которымъ онъ закусывалъ четвертый стаканъ монопопки.

Едва показалась голова Петра Ивановича, какъ раздалось неистовое звѣрское рычаніе:

— Я вамъ не мальчишка, милостивый государь, чтобы продѣлывать со мной такіе фокусы!..

— Что-та-та... такое... залопоталъ Петръ Ивановичъ.

ЗАВИДНАЯ ДОЛЯ АНТРЕПРЕНЕРШИ.

АНКЕТА.

Первый, кто отозвался на мою статью «Грѣшная Грѣшнхъ», оказался крестьянинъ А. М. Киселевъ.

Онъ пришелъ ко мнѣ лично со своею рукописью.

У него было строгое, серьезное лицо. И видно было по бесѣдѣ съ нимъ, какъ пылливо вдумывался онъ въ проклятый, половой вопросъ.

Онъ оставилъ у меня такіа строки: «Вопросъ, который здѣсь Вы затронули, я считаю вопросомъ великимъ и самымъ важнымъ въ жизни; этотъ, какъ вы назвали, «проклятый вопросъ» касается физическихъ и умственныхъ отношений человѣчества; этотъ «половой вопросъ» составляетъ горе и счастье людей, однимъ словомъ, сей грозный, а не грязный, вопросъ—вопросъ жизни и смерти.

Но я не знаю, м. г., Вашихъ намѣреній, одинаково ли Вы желаете свое преподаемое врачеваніе распространить на всѣхъ недугующихъ людей нашего отечества, т. е. безъ подраздѣленія на классы, или же берете во вниманіе только лишь одинъ первостепенный элементъ, такъ называемую интеллигенцію, оставляя въ невниманіи элементъ второстепенный—деревню и ея выходцевъ.

Въ своей статьѣ Вы коснулись только лишь людей болѣе или менѣе развитыхъ, могущихъ уже представить гласности въ печать свой поступокъ и мнѣніе, но Вы не указали никакой даже косвенностью на классъ, называемый низшимъ.

А поэтому я желалъ бы отъ Васъ самихъ знать:

1) Какъ ли основательно Вы знаете обывателей деревни: глухой провинціи, какъ обывателей города, обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ по отношенію полового вопроса?

2) Имѣтъ ли какое-нибудь на интеллигенцію деморализаціонное вліяніе въѣзжающего простого народа, только потому, что привыкли считать себя рожденными на служеніе интеллигенціи?

3) Почему прожили холостыми до глубокой старости; бывший Намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ Алексѣевъ и извѣстный генералъ Гродековъ, и какъ они вліяли своимъ безбрачьемъ, въ отношеніи полового вопроса, на свою среду—холостыхъ и женатыхъ мужчинъ, дѣвиль и замужнихъ женщинъ?

4) Какой классъ женскаго пола въ городѣ приходится къ паденію прежде,—интеллигенція или классъ низшей, прислуга.

и 5) Вредно или благоприятно, въ отношеніи полового вопроса, вліяетъ на женскій полъ интеллигентная служба, какъ-то: въ канцеляріяхъ, кассирскихъ, акушерками, фельдшерницами и т. п.?

Надѣюсь, милостивый государь, что Вы не откажете мнѣ отвѣтомъ на настоящіе вопросы.

Я далъ ихъ Вамъ не для какого-нибудь пустого любопытства, а для того, чтобы расширить почву по сему вопросу и увеличить всесторонне его матеріалъ. Андрей Киселевъ».

Я не знаю имѣлъ ли право г. Киселевъ составить мнѣніе, что я ограничиваю мою анкету только городомъ и его обитателями.

Въ деревнѣ половой вопросъ поставленъ такъ же остро и настойчиво, какъ и въ городѣ.

Между городомъ и деревней постоянная половая связь.

Городъ—проституируетъ деревню. Деревня — снабжаетъ городъ живымъ товаромъ.

Больше пятидесяти процентовъ обитательницъ городскихъ публичныхъ домовъ прѣхали изъ деревни и прошли школу прислуги въ большихъ городахъ: кормилицъ, нянекъ, кухарокъ, модистокъ.

Статистика могла бы даже опредѣлить, какой процентъ растлѣтлія заключается въ каждомъ баринѣ.

Посредственно, или непосредственно мы всѣ развращаемъ или способствуемъ развращенію нашей прислуги вообще и горничныхъ въ частности.

Но и горничная не остается въ долгу. Та же статистика дала бы неожиданные выводы.

На второмъ курсѣ университета я произвелъ ep reit разслѣдованіе полового вопроса.

Въ анкетѣ участвовало до 60 студен-

товъ, давшихъ честное слово заполнить опросные бланки, разосланные мною, не кривя душою, откровеннѣе, чѣмъ попу на духу.

Впрочемъ, лгать и не имѣло смысла, потому что бланки и отвѣты на нихъ были вполне анонимны.

Въ числѣ опрошенныхъ пунктовъ были два: 1) съ кѣмъ опрошенный потерялъ свою физическую невинность (съ домашней прислугою, проституткой или женщиной другихъ категорій?), 2) Была ли старше или моложе опрашиваемаго эта женщина?

Изъ 56 студентовъ, приславшихъ мнѣ отвѣтъ, 32 лишены невинности домашнею прислугою, 13 потеряли невинность въ публичныхъ домахъ, 2 оказались дѣвственниками, а остальные 9 пришлось на долю женщинъ всѣхъ остальныхъ категорій.

При этомъ изъ 54 лишенныхъ невинности опрошенныхъ 47 были жертвою женщинъ, превосходившихъ ихъ годами.

Двое пали 14 лѣтъ, 15 лѣтъ — 5 человекъ, 16-ти—12, 17—22, 18—7, 19—4, 20—1, 21—1. Двое еще не пали.

Эти цифры не только подтвердили факты существования вундеркиндства въ любви, но и до нѣкоторой степени объясняютъ его происхожденіе.

Публичный домъ въ качествѣ развратителя нашихъ дѣтей играетъ, насколько я могъ наблюдать, совсѣмъ не такую большую роль, какую ему приписываютъ.

Правда, онъ вошелъ въ обиходъ нашей школьной молодежи.

Почти открыто существуютъ гимназическіе «дома».

Но въ этихъ домахъ не падаютъ ни мужчины, ни женщины.

Женщины попадаютъ туда, уже лишенной невинности, какъ ultimatum refugium.

Мужчины—тоже пользуются лупанаріями уже тогда, когда принята половая потребность,—начинать съ лупанарія не станеть никто.

Въ гимназическомъ обиходѣ домъ терпимости играетъ большую роль.

Но больше на словахъ.

Посѣщать его считается признакомъ хорошаго гимназическаго тона. Это—шикарно.

Фразы, брошенная вскользь въ кругу товарищей:

— Мы вчера были у дѣвочкикъ...

Придаетъ говорящему вѣсъ, солидность и зрѣлость.

Но самый процессъ посѣщенія для большинства гимназистовъ такъ же неприятенъ, какъ процессъ куренія и выпиванія водки.

Не курить и не пить нельзя,—noblesse oblige.

Но я уклонился въ сторону. Перехожу къ вопросамъ г. Киселева.

Отвѣтъ на первые два вопроса послѣ всевозысказаннаго ясенъ.

Отвѣчать на третій вопросъ считаю неудобнымъ, ибо онъ касается личности.

Четвертый вопросъ интересенъ. Но врядъ ли разрышимъ.

Прислуга и господа, кажется, квиты. Вундеркиндство въ любви у интеллигенціи съ одной стороны. Растлѣніе прислуги—съ другой.

Первая происходитъ при благосклонномъ участіи прислуги. Второе—при еще болѣе благосклонномъ участіи господъ.

Пятый вопросъ будетъ разсматриваться значительно позже.

Материалъ по нему громадный.

Вторымъ откликнулся гимназистъ. Третьимъ—тоже гимназистъ.

Они искренни и просты, эти гимназическія письма.

И авторы ихъ—родные по духу.

Оба страдаютъ, оба тоскуютъ, оба каются и оба призываютъ:

— Помогите бороться съ ужаснымъ бичемъ нашихъ гимназій, институтовъ, открытыхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеній, порокомъ, имя котораго полностью называется лишь въ библии, да въ медицинскихъ книгахъ.

«Мое паденіе, можетъ быть, нѣсколько отличается отъ обыденныхъ случаевъ. Дѣло въ томъ, что еще ранѣе чѣмъ войти въ сношеніе съ женщинами, я, самъ того не зная, занимался тайнымъ порокомъ. Когда мнѣ было 12 или 13 лѣтъ, мои тогдашніе товарищи посвятили меня во все то, что считается неудобнымъ говорить дѣтямъ.

И вотъ мнѣ показалось, что это очень заманчиво и интересно. Я началъ заниматься порокомъ, притомъ, не зная совершенно, что я дѣлаю и не зная о существованіи его. Впоследствии, когда я узналъ, чѣмъ я именно занимаюсь, мнѣ

КАКЪ МЫ СЪ БАРОНОМЪ БЫЛИ НА ВЫСТАВКѢ MIGNON.

— Позволь. Я снова очутился въ такомъ же дурачкомъ положеніи, какъ на выставкѣ кожъ, мѣха и пуха...

— ?

— Туда я пришелъ ради пуха и не нашелъ ни пушинки.

— А сюда ты пришелъ, надѣюсь, не ради пуха?

— Я слышалъ, что здѣсь выставка рамъ, запонокъ и картинъ. Я пришелъ ради картинъ. Но ихъ здѣсь восснѣтъ.

— Вы слишкомъ строги. Вглядитесь попристальнѣй. Знакомая все лица.

Левченко, Левинъ, Лее, Пелевинъ...

Даже стихи выводятъ...

— Но покажи мнѣ хоть одну картину! Вотъ я вижу четыре запонки Федорова-Керченскаго. Вотъ рамки изъ кожи, изъ дерева, изъ бронзы, изъ мѣди. Вижу мебель, порядочную мебель...

— Въ каталогѣ сказано: «За свѣдѣніями обращаться къ завѣдующему выставкой Александру Петровичу Горлову-Карпинскому... Не обратитесь ли намъ въ самомъ дѣлѣ къ нему... Онъ намъ покажетъ, гдѣ картины...»

— Не стоитъ. А вдругъ ты его сконфузишь неумѣстнымъ вопросомъ...

— А... вотъ я вижу что-то... никакъ Сергѣевъ! Да, да... Съ этой позиции рамка не убиваетъ его пейзажа... Мило... очень мило... для мѣла...

— Какъ для мѣла...

— Ну да... Пляска изъ такой издаты...

— Ахъ, да не наклоняйся ты такъ низко надъ рамкой. Все стекло запотѣло... надвѣшалъ...

— Что же мнѣ дѣлать, если иначе ничего не видать?...

— Смотри, смотри... Я такъ и думаю, что Колениковъ сюда притащится... Его облака, его небо... автокража... У самого себя укралъ...

— Въ самомъ дѣлѣ... А по каталогу тутъ Вещиловъ значится. «Передъ бу-рей»...

— Неужели. Это опечатка.

— Если на кляткѣ тигра видишь надпись слонъ, не вѣрь глазамъ своимъ...

— Ну, вотъ, если бы я увидѣлъ подъ этими миношками иную подпись, кромѣ Каразинской, я бы глазамъ не повѣрилъ. Бонбоньерку съ точно такою крышкою я въ прошломъ году подарилъ на именины Эрнестиночкѣ...

— Позволь. Да тутъ многое съ прошлогодней выставки осталось. Вотъ хоть эти вещицы Левченко. Ей-Богу, я ихъ видѣлъ.

— Какой хороший рисовальщикъ. Но какъ однообразенъ въ письмѣ. Эти тоны отъ безчисленныхъ повтореній стали пошлыми.

— А вонъ писемскій, васильковский, галкинъ, овсянниковъ, грандовскій... Если бы я писалъ рецензію, я непременно написалъ бы эти фамилии съ маленькой буквы.

— Потому что онѣ—mignon?

— Нѣтъ. Потому что онѣ изъ именъ собственныхъ превратились въ имена нарицательныя. Попробуй кого-нибудь изъ молодыхъ талантливыхъ художниковъ назвать Писемскимъ. Онъ тебѣ покажетъ...

— Я вообще не люблю браниться и не употребляю въ разговорѣ сильныхъ выраженій. Но думаю, что дѣйствительно участіе на выставкѣ Mignon—это въ нѣкоторой степени патентъ. Посмотри, за исключеніемъ Сергѣева, натурмортиста Всеволожскаго, виртуоза своего цеха Фрейвирта-Лютцова, на выставкѣ кривляются все тѣ самыя лица, которая уже успѣли зарекомендовать себя неинтересными большими картинами. Они думаютъ, что на маленькой картинкѣ не будутъ замѣтны ихъ большіе недостатки. Они думаютъ прилежаніемъ, вниманіемъ, рукодѣльемъ можно прикрыть недостатокъ таланта... Но ошибаются. Скука, та же самая скука дуетъ изъ каждой маленькой рамочки, какъ дуло съ ихъ громадныхъ полотенецъ.

— Напрасно. Тутъ есть и веселеніе сюжетовъ... Вотъ хоть Порфирова «Нѣга»...

— «Нѣга»... 10 шт. 6 коп... Дядя Михайло... и проч...

— Но ты замѣтилъ... Мы здѣсь, какъ и на выставкѣ кожъ, единственные посетители... Даже совѣстно, ей-Богу... Большіе люди, а заинтересовались игрушками, бирюльками...

— Публика отомстила за насъ. Посмотри, изъ всей выставки, продана только одна рамочка.

У выхода баронъ расфилософовствовалъ:

— Въ мѣрѣ такъ много большого, я-каго дѣла. А эти... эхъ!...

Во всѣхъ родахъ искусства и прикладныхъ знаній Владимиръ Васильевичъ отмѣчалъ каждого, кто носилъ на себѣ печать русскаго творчества, и указывалъ ему его доругу.

Главной цѣлью Стасова было устраненіе всѣхъ препятствій, лежащихъ на пути русскихъ талантовъ и поддержка ихъ.

Антокольскій, Рѣпинъ впервые были отмѣчены имъ.

Стасовъ стоялъ за широкое развитіе художника.

Русскій художникъ, по его словамъ, что-нибудь знающій и способный разсуждать о чемъ-нибудь, въ томъ числѣ и о своемъ искусствѣ, русскій художникъ, что-нибудь чистюпій и любящій читать—да это самая величайшая рѣдкость, какую можно представить у насъ. Но можетъ ли такъ это продолжаться? Нѣтъ, изъ этого необходимо выйти какимъ бы то ни было средствомъ!

Новая русская музыкальная школа въ лицѣ Бородина, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Ядлова, Кюи, позднѣе Глазунова и др., нашла въ немъ своего ревностнаго защитника и поборника.

Онъ сумѣлъ создать ту необходимую атмосферу, въ которой наши себѣ пріорѣтѣ всѣ начинающіе таланты.

Порой несправедливо отнесся къ Западу, уменьшая значеніе Вагнера, Мендельсона, онъ переоцѣнилъ нѣкоторыя молодая силы. И въ этомъ, пожалуй, можно видѣть скорѣе пользу, чѣмъ вредъ.

Это было, можетъ быть, тактическій пріемъ, вынужденный преданностью родинѣ.

Въ немъ горѣло нетерпѣливое желаніе видѣть расцвѣтъ возникшей музыкальной школы.

Стасовъ всѣми силами способствовалъ поднять духъ въ борьбѣ съ реакціей. Всѣ помнятъ его рѣзки по формѣ и пріемамъ удары, наносимые врагамъ.

Критическая дѣятельность его носила полемическій характеръ.

Она принадлежить больше своему времени, проникнута духомъ его.

ПАМЯТИ СТАСОВА.

Умеръ могучій дубъ...

Умеръ Владимиръ Васильевичъ Стасовъ, три четверти вѣка съ пламенной, юношеской любовью ратовавшій за русское самостоятельное творчество.

Его понятіе національнаго самобытнаго творчества не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, что теперь окрещено «Истинно русскимъ».

Нашъ художественный критикъ не былъ врагомъ иноземцевъ.

Считаясь съ фактомъ пышнаго расцвѣта западнаго искусства, ему хотѣлось показать Европѣ и наше.

Вліяніе отжившихъ теченій Запада, перенесенныхъ къ намъ, давило ростки молодого искусства.

Итальянская опера во времена Глинки заполонила вкусы большой публики. Яркие меломаны колоратурнаго пѣнія не могли понять правды въ оперной музыкѣ и всѣхъ слѣлыхъ и сильныхъ исканій Даргомыжскаго.

Глинка со своимъ Русланомъ былъ не понятъ.

Борьбомъ за нарождавшіеся идеалы оперной и симфонической музыки всталъ Стасовъ, съ плеча рубившій гнилые корни рутинѣ.

Молодежь подъ его вліяніемъ сумѣла заинтересоваться колоритомъ національности и Востока.

назвать «сношеніями» эти похождения 11½ лѣтнаго мальчика совершенно еще не достигнушаго половой зрѣлости.

12 лѣтъ меня отдали въ корпусъ. Благодаря необычайной искорченности я сталъ скоро извѣстенъ и сталъ служить для старшихъ товарищей объектомъ ихъ страсти отдавая имъ свое тѣло. Прибавляю кстати, что вообще это зло поцвѣтаетъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ чрезвычайнѣю. Мое нравственное вліяніе на товарищей одноклассниковъ было для нихъ губительно.

Это была какой то чудовищный кошмаръ, который, уви, не рѣдко переживаю кадеты и вообще воспитанники закрытыхъ учебныхъ заведеній. Я сталъ нетерпимъ и черезъ два года меня перевели въ другой корпусъ. Тамъ дѣло пошло также, если еще не хуже. Половая зрѣлость наступила у меня рано, на 14 г. Старшіе товарищи и здѣсь скоро узнали про меня и начался рядъ возмутительныхъ оргій, которые буквально какимъ то чудомъ скрывались отъ взоровъ начальства и невзгодныхъ для насъ товарищей. Я сталъ чѣмъ но вродѣ проститутки, развращая въ тоже время младшихъ товарищей. Какая то бѣшеная страсть охватила меня и я рѣдкою ночью проводилъ не удовлетворивъ ее. Такимъ образомъ долго не могло продолжаться и я заболѣлъ нервной горячкой. Къ тому времени я былъ уже въ третій разъ по счету корпуса. Кое какъ я дотянулъ до окончанія и поступивъ въ военное училище снова принялся за старое. Моя вѣрность была залогомъ успѣха и лѣтне мѣсяца, когда я былъ дома служилъ мнѣ временемъ «охоты», какъ говорили товарищи. Такой разгулъ продолжался до 20 лѣтъ и затѣмъ безъ всякой видимой причины я постепенно сталъ отвѣкать отъ порока и вотъ уже второй годъ я не знаю женщины и совершенно индифферентенъ въ половой жизни.

На Вашъ вопросъ о роли чистой любви я скажу, что 16 лѣтъ я полюбилъ почти дѣвочку 14 лѣтъ, и несмотря на то, что я любилъ ее всей силой любви, любви платонической, я въ тоже время не переставалъ развращать съ другими, не оскверняя ее.

Въ корпусѣ я полюбилъ, когда мнѣ было 13 лѣтъ своего товарища опять таки чисто платонической любовью.

Я не разу не подумалъ даже объ его оскверненіи.

Относительно роли проститутки, скажу что особеннаго значенія она не играла въ моей жизни, потому что мнѣ приходилось слишкомъ поздно пользоваться ею, т. е. тогда когда я былъ искорченъ въ концѣ.

Резюмируя все вышесказанное я могу отгнать на ваши 6 вопросовъ:

1) На какомъ году совершенно первое паденіе?

— На 11-мѣ.

2) При какихъ обстоятельствахъ?

— См. выше.

3) Что способствовало разврату?

— Воспитаніе и среда.

4) Какую роль играла чистая любовь?

— Никакой.

5) Роль проститутки?

— Малая.

6) Что лучше—скрывать или обнажить свои язвы?

— Вопросъ нѣсколько непонятенъ и даетъ возможность отгнать: смотря по обстоятельствамъ.

Въ общемъ я могу сказать, приспособившись къ жизни окружающихъ меня товарищей, что необходимо какъ можно больше ослабить тотъ напоръ страсти, который сопровождаетъ періодъ появленія половой зрѣлости. Паденіе до брака почти неизбежно, необходимо только, что бы оно приняло видъ непроизвольнаго, несчастья а не предмета наслажденія какъ теперь.

Необходимо еще обществу понять и вспомнить наконецъ, что наибольшій эквивалентъ безразличности падаетъ на возрастъ отъ 12—16 лѣтъ. Это гигантски ужасно. Нужно думать и дѣйствовать».

Психологію ребенка, въ которомъ проснулась чувственность, хорошо рисуетъ письмо слѣдующаго корреспондента N. N.

«Это чутъ ли не модернизированный безсмертный разсказъ о Дафнисѣ и Хлоѣ».

Эта модернизация отъ нея отняла всю поэзію.

«Кажется мнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда чувственность вдругъ пробудилась и стала мѣшать жить и учиться. Помню въ одно изъ воскресеній изъ дому ушли отецъ, мать и сестры. Я остался съ гор-

ничной Пашей. Сначала я сидѣлъ у себя въ комнатѣ и рисовалъ. Когда это надоѣло я пошелъ бродить по квартирѣ.

Въ гостиной я увидѣлъ на диванѣ Пашу,—она спала. Былъ день и въ это время, здѣсь я ее никогда не видалъ. Показалось, что она больна. Вообще сестры Пашы рисовалась мнѣ загадочнѣе. Ей было всего пятнадцать лѣтъ.

Я пошелъ, взявъ Пашу за свѣсившуюся съ дивана руку поднялъ ее и опустилъ. Рука была тяжелая, мягкая и ненормально горячая. Мое сердце лупило точно резиновый молотокъ. Почему лупило, этого я себѣ объяснить не могъ. О половомъ актѣ,—какъ онъ совершается,—я не имѣлъ точнаго представленія. У меня не было такъ же желанія обидѣть Пашу.

Въ душѣ боролся и рвался былъ удовлетворенными два любопытства: 1) какъ устроено тѣло Пашы и 2) почему она такъ крѣпко спитъ, несмотря на то, что я шевелилъ ея руки и ноги довольно сильно.

Я растегнулъ Пашину кофточку, потому растегнулъ пуговку на плечѣ ея сорочки.

Паша дышала тяжело, шеи ея горѣли и все-таки она не двигалась. Гораздо позже я узналъ, что дѣвушки прикидываются спящими, когда хотятъ что бы съ ними дѣлали все, что угодно.

Обнаживъ Пашу до пояса, я отошелъ и залюбовался ея грудью. Особенно хороши были розовые соски. Помню также что ея правая грудь была чуть больше лѣвой. Хотѣлось цѣловать это удивительное тѣло, но было стыдно. Казалось, что это грѣхъ, а поцѣловаться въ губы не грѣхъ. Руки у меня дрожали очень, точно я продрогъ. Голова была тяжелая. Въ ногахъ сладко ныло.

Я снова подошелъ къ Пашѣ и поднялъ сначала немного, а потомъ до пояса ея юбки. Помню на ногахъ у нея были красная, грубая, шерстяные чулки и еще болѣе грубые грязные ботинки. Контрастъ между грубостью чулокъ и ботинокъ и между нѣжностью кожи ногъ Пашы поразилъ меня. Я никогда не видѣлъ такъ близко обнаженныхъ ногъ дѣвушки. И... уже не разсуждая ни о чемъ сталъ ихъ цѣловать.

Въ передней позвонили. Паша вско-

ла, быстро оправилась и пошла открывать двери. Я удралъ въ свою комнату.

Ночью, до разсвѣта, я, со слезами, молился Богу и просилъ Его простить меня.

Въ пять часовъ утра я успокоился и на ципочкахъ прошелъ въ комнату Пашы. Потомъ опять цѣловалъ ея ноги...

Въ связь съ Пашей мы не вступили, должно быть она боялась послѣдствій, но половая наслажденія довели меня до истощенія. Ронные болячки за мое здоровье и не понимали въ чемъ дѣло. Давали мнѣ рыбій жиръ... Паша ушла отъ насъ. Я сталъ быстроправляться.

Осенью я полюбилъ гимназистку,—ей было около четырнадцати лѣтъ. Мнѣ нравилось на темной лѣстницѣ прикасаться къ ея груди. Однажды, мы съ ней разговаривали о томъ, стыдно ли это?

Милый ребенокъ грустно опустилъ глаза и сказалъ, что двоюродный братъ Володи, еще въ прошломъ году, цѣловалъ ея грудь. Мнѣ чутъ не сдѣлалось дурно...

Теперь, когда пишу это я уже зрѣлый человекъ, живу нормально. Но во мнѣ сидитъ глубокое убѣжденіе, что мужчины съ 15-ти лѣтъ, а дѣвочки съ 14-ти лѣтъ, бабы чувственней. Къ двадцати лѣтамъ и тѣ и другіе становятся разсудочнѣе...

Моя фамилія Вамъ безусловно известна но я отвѣчу Вамъ подробнѣе послѣ, если, вижу, что вопросъ крѣпко тронулъ публику.

Пока не считаю нужнымъ писать фамилию. Ее замѣнитъ почеркъ, если потребуется установить авторъ.

А. ГЕОРГІЕВИЧЪ

URGSN 7 1906

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ.

МАНИФЕСТАЦИЯ ТЕПЕРЬ.

Въ его музыкальныхъ статьяхъ отражаются всѣ перипетіи двухъ противоположныхъ лагерей.

Онъ не столько углублялся въ философское обоснованіе, сколько стремился къ ихъ популяризаціи.

Опровергая порой Ляроша, Стасовъ цитируетъ мѣста, скорѣе защищающія первого.

Недостаточная аргументировка доводовъ съ избыткомъ восполнялась мощной силой произведеній защищаемыхъ творцовъ.

Рѣдкая честность, прямолинейность и неподкупность дѣйствовали, бывало, убедительнѣе его доводовъ.

Дѣятельность Стасова неразрывно связана узлами дружбы со всеми выдающимися русскими композиторами.

Многолѣтнее знакомство съ артистами, присутствіе на всѣхъ значительныхъ музыкальныхъ постановкахъ дало богатый матеріалъ для интересныхъ историческихъ данныхъ эпохи.

Весьма желательно изданіе мемуаровъ наследникамъ покойнаго. Они ярче и полнѣе освѣтили бы прошлое.

Однимъ изъ любимыхъ авторовъ покойнаго былъ Мусоргскій.

Сильный разрывъ съ рутинной и реалистичной авторомъ «Бориса Годунова» и «Дѣтской» вызвали его неподдѣльное удивленіе.

Данный 25 ноября русскій симфоническій концертъ въ память славнаго критика показалъ, какой любовью онъ пользовался въ средѣ композиторовъ.

Ему посвящены шедевры русской музыки: «Шехерезада» Римскаго-Корсакова, «Буря» Чайковскаго, «Баба Яга» Лядова, «Хованщина» Мусоргскаго и др.

Написанная Глазуновымъ прелюдія «Памяти В. В. Стасова», начинаясь съ третьей 4 струннаго квартета, посвященнаго ему признательнымъ авторомъ, заключаетъ въ себѣ отрывки темъ вышеупомянутыхъ произведеній.

Пусть признательность творцовъ явится стимуломъ новымъ борцамъ за святое искусство!

Намъ, при нашемъ безвременьи, нужны люди, пролагающіе тяжелымъ молотомъ дорогу отъ творцовъ къ народу.

Нужны сильные, честные, неподкупные ихъ апологеты!

В. СЕНИЛОВЪ.

Въ субботу, 2 декабря, на концертѣ Зилоти, музыкальный міръ Петербурга, впервые встрѣчается съ однимъ изъ виднѣйшихъ представителей новѣйшей западной музыки. Имя Регера за границей сопоставляется съ именемъ Себастьяна Баха. Его колоссальная мощь, невѣроятная продуктивность (около 100 большихъ опусовъ) и поразительная техника связывается съ гениальными мыслями творца-художника.

Оригинальная самобытная гармонизация Регеровскихъ произведеній производить ошеломляющее дѣйствіе. Его смѣлость въ этомъ отношеніи вызываетъ бурную ненависть среди филлистеровъ и доктринеровъ классическаго искусства, упрекающихъ его въ произволѣ и ломкѣ понятій.

Мы горячо приветствуемъ гениальнаго художника и вѣримъ въ русское общество, что оно безъ предубѣжденія пойметъ и оцѣнитъ его.

КОНФЛИКТЪ УЛАЖЕНЬ.

Конфликтъ между д. с. с. Щеловитовымъ (—портфель министра юстиціи) и полковникомъ Ивановымъ (—портфель начальника с.-петербургской одиночной тюрьмы, «Кресты») почти улаженъ.

Третьяго дня вышелъ законъ, по которому крѣпостнымъ сидящимъ за нимъ въ крѣпостяхъ въ тюрьмахъ, будутъ дѣлать скидку въ четверть срока наказанія.

Полковникъ Ивановъ долгое время упорствовалъ, считая такую скидку бессмысленнымъ мечтаніемъ.

На прямое приказаніе министра юстиціи примѣнить къ крѣпостнымъ ст. 266 отвѣчалъ волокитой, а нѣкоторымъ заключеннымъ прямо объяснилъ:

— Это противорѣчитъ здравому смыслу.

Теперь полковникъ Ивановъ принужденъ оставить свой здравый смыслъ въ покоѣ.

Побѣдилъ министр юстиціи. Изданъ законъ, которому г. Ивановъ принужденъ будетъ подчиняться безпрекословно.

Поздравляю отъ души всѣхъ крѣпостныхъ.

ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу Воздушной пльницы моей, Я роцамъ возвратилъ пѣвицу, Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утупая Въ сѣньи голубого дня

И такъ заплѣла, улетая: «Отречемся отъ стараго міра!».

Услышавъ сей напѣвъ проклятый За хвостъ пѣвицу я схватилъ И, чтобъ спасти весь родъ пернатый, Назадъ въ темницу засадилъ.

НОВИУСЪ.

ЗАКАЗНОЕ

форменное и штатское платье добросовѣстно шьетъ торговый домъ: «СИМЕОНОВСКІЙ МАГАЗИНЪ МИХЕЛЬСОНЪ». Спб. Симеоновская 5, противъ Моховой въ бель-этажѣ. Телефонъ № 43—93.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ

„СЕГОДНЯ“

прогрессивный внѣпартійный органъ, сообщаетъ днемъ раньше другихъ газетъ всѣ событія, происшедшія съ 1 ч. ночи и до 1 ч. дня. Въ непродолжительномъ времени начнутъ давать иллюстраціи на злобу дня. Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой на 12 мѣс. — 4 р., на 6 мѣс. — 2 р. 25 к., на 3 мѣс. — 1 р. 20 к., на 1 мѣс. — 40 к. Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 61. Телеф. 217—60.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ.

НА

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

52 № ежеднѣльнаго иллюстрированнаго журнала, съ приложеніемъ ежемѣсячнаго журнала «Библиотека театра и искусства». Въ «Библиотеку» помѣщаются, кромѣ обычнаго литературнаго и научнаго матеріала, новыя репертуарныя пьесы, шедшія на лучшихъ сценахъ.

Цѣна на годъ (съ 1-го января) 7 руб., на полгода — 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р. и по 2 р. къ 1-му апрѣля и 1-му іюня. Новыя подписчики на 1907 г., подписавшіеся до 1-го января черезъ Главную Контору Спб., Гороховая ул., 4, получаютъ Юбилейный № «Театръ и Искусство» безплатно. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гороховая 4. Тел. № 1669.

Редакторъ А. Кугель. Издательница З. В. Тимофѣева (Холмская).

Въ пяти номерахъ Газеты Шебуева помѣщены статьи и стихотворенія Якова Година, Ильи Гурвича, Осипа Димова, Г. О. Розенвейга, А. Рославлева, В. Сенилова, Евгения Тудера и Н. Шебуева; рисунки и шаржи И. Бродскаго, Б. К. Валлиса, И. М. Гравовскаго, А. М. Любимова, В. Н. Ремизова; ноты И. Покровскаго и М. Чернова.